

ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА ОРЛОВА

аспирант кафедры литературы
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0005-0628-9612; dariaolr2014@yandex.ru

МАРИНА ЮРЬЕВНА ЕЛЕПОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-7229-5851; m.elepova@yandex.ru

ОБРАЗ ОТЦА В РОМАНЕ-ИДИЛЛИИ А. П. ЧУДАКОВА «ЛОЖИТСЯ МГЛА НА СТАРЫЕ СТУПЕНИ»: ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ

А н н о т а ц и я . Цель исследования – выявление повествовательных стратегий при создании образа отца Петра Стремоухова в романе-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Образ этого героя впервые становится отдельной темой исследования. Нарратологический анализ произведения позволил выявить ряд повествовательных стратегий: обращение к идиллическому хронотопу, включение в роман фольклорных жанров, цитатный дискурс с формированием провокативной стратегии, трагикомическое начало, применение ненадежного повествования. Образ Петра Стремоухова как создателя и хранителя семьи соотносится с семейным идиллическим хронотопом. Фольклорные тексты внутри романного повествования (жанр семейного предания, пословицы) уточняют характеристику героя. Образ отца связан с вечным героем мировой литературы Дон Кихотом: ощущая гнет советской системы, персонаж парадоксально идеализирует ее, это романтик, всеми силами души устремленный к великому в прошлом и настоящем. В романе-идиллии выявлены реминисценции из произведения М. Сервантеса. Образ Петра Стремоухова занимает особое место в персоналогии романа: он коррелирует с образом деда, зачастую становясь по отношению к нему антагонистом. Нравственное влияние отца и деда определяет становление главного героя. **К л ю ч е в ы е с л о в а :** А. П. Чудаков, «Ложится мгла на старые ступени», роман-идиллия, образ отца, донкихотство, реминисценция, повествовательные стратегии, персоналогия

Д л я ц и т и р о в а н и я : Орлова Д. С., Елепова М. Ю. Образ отца в романе-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»: повествовательные стратегии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 55–60. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1199

ВВЕДЕНИЕ

Александр Павлович Чудаков – ученый-филолог, автор множества научных работ, в том числе широко известных монографий «Поэтика Чехова», «Мир Чехова. Возникновение и утверждение». Роман-идиллия «Ложится мгла на старые ступени» (2000), единственное художественное произведение этого автора, становится знаковым сочинением современной русской литературы. За это произведение Чудаков удостоен звания лауреата премии «Русский Букер» (2011). Роман, отличающийся глубиной проблематики и художественным богатством, в 2000–2010-е годы при-

влек внимание литературоведов (см.: Е. М. Гордеева [4], Ю. В. Доманский [5], С. В. Зеленцова, Д. С. Тарухтина [8], А. Степанов [11] и др.). Научный интерес к этому произведению в отечественном литературоведении не ослабевает. Обращает на себя внимание такая художественная особенность романа Чудакова, как его полифоничность, оперируя термином М. Бахтина, или полимодальность, по Ж. Жанетту. И. Булкина выделяет в этом произведении три основных звучащих голоса и расставляет их от главного к сравнительно наименее значимому: голос традиции, голос деда; голос отца; голос повествователя Антона,

художественного альтер-эго автора¹. Роман представляет собой прихотливую цепь воспоминаний нарратора. Ключевое место в этих воспоминаниях занимает образ деда. Голос отца то звучит в унисон с голосом деда, то вступает с ним в противоречие. Антон оказывается между двумя звуковыми волнами. Голоса вводятся в роман при помощи использования разных повествовательных стратегий. Теоретической разработкой теории повествования, принципов нарратологии занимались М. Бахтин [2], В. Тюпа [12], В. Шмид [14], Ж. Жаннет [7], Ю. Кристева [10].

Цель исследования – через анализ повествовательных стратегий рассмотреть образ отца, а именно выявить в нем черты вечного образа Дон Кихота, уточнить его место в художественном произведении по отношению к образам деда и главного героя Антона Стремоухова.

Жанровое определение исследуемого произведения, данное самим Чудаковым, – роман-идиллия. М. Бахтин, обращаясь к вопросу романного хронотопа, выделяет четыре чистых типа идиллии: любовную (пастораль), земледельчески-трудовую, ремесленно-трудовую и семейную [2].

Когда отец показан как член семейства Саввиных – Стремоуховых, в его образе можно найти черты семейной, земледельчески-трудовой и ремесленно-трудовой идиллий. Например, внезапно открыв, что сын, дошкольник, уже умеет читать и считать, отец спешит поделиться этим открытием с женой: «Тасенька, – позвал отец, – иди сюда, посмотришь на результаты по системе Ушинского» (68)². Далее супруги решают судьбу сына, обсуждая, в какой класс его отдать. В отношениях родителей главного героя видны черты семейной идиллии (гармония и взаимопонимание). Место отца является важным в производящем почти все натуральном хозяйстве Саввиных – Стремоуховых, он «занимался самыми ответственными и тяжелыми делами – заготовкой дров и сена» (124). Через приобщение к семье и семейным ценностям человек обретает внутренний мир и гармонические отношения с близкими людьми.

Кроме обращения к идиллическому хронотопу, Чудаков использует включение в текст романа других текстовых жанров, в том числе фольклорных. Э. Ф. Шафранская, обращаясь к фольклорному контексту романа Чудакова, отмечает:

«Легенды, предания, байки, песни, жестокие романсы, паремии, слухи, детские игры – все включено в повседневную жизнь, попутно представлен генезис некоторых сюжетов, их варианты» [13: 143].

Отец часто является главным действующим лицом семейных преданий: он спасся в степи от волков, вступил в единоборство с вором, позарившимся на скошенное семейное сено, отогрел в русской печи провалившегося под лед Антона. Имея все характерные для сюжета фабульные узлы: завязку, кульминацию и развязку, – эти воспоминания запечатлеваются в памяти Антона очень ярко. Таким образом, мужское начало (отец повел себя смело в ситуации встречи с волчьей стаей, отстоял имущество семьи, защитил сына) выражено в некоторых эпизодах романа в художественном плане очень активно, и отец здесь не может не быть примером для Антона.

Еще один фольклорный жанр, обнаруживаемый в тексте романа, – поговорка. Любимая поговорка отца – «Не красно солнышко – всех не обогрею». При этом повествователь сообщает, например, как отец безвозмездно оказывал юридическую помощь всем, кто обращался к нему, составляя заявления и письма. Прием антитезы в данном случае показывает доброту героя и стремление помочь другим, высокое значение для него таких понятий, как долг и совесть.

В образе Петра Стремоухова очевидны некоторые черты романтического героя. Всеми мыслями и душой он стремится к «магии силы». Автор показывает это при помощи цитатного дискурса, «когда повествователь делает вид, что буквальным образом передает слово своему персонажу» [7: 191]. Петр Иванович вдохновенно рассказывает сыну про Черчилля:

«Уинстону Черчиллю шел шестьдесят шестой год. Другие в этом возрасте в своих поместьях пишут мемуары. Но страна находилась в опасности. Англия вспомнила о нем и призвала его, вручив ему власть 10 мая 1940 года – за пять лет до победы. И первое, о чем он сказал, – о победе. Но ты послушай, что он сказал!» (473).

Благодаря тому что герой характеризуется в основном при помощи собственных реплик, автору удается с особенной силой показать суть персонажа: страстную увлеченность, восторженность, стремление к возвышенному идеалу.

Цитатный дискурс у Чудакова часто перерастает в провокативную повествовательную стратегию. В диалогах отца и деда нередко представлены диаметрально противоположные мнения, их столкновение заставляет и читателя подключаться к этому спору. Например, про кулаков, сосланных в Чебачинск (небольшой город в Казахстане, где прошло детство Антона) и очень быстро заживших лучше местных, дед говорит: «Что вы хотите... цвет крестьянства. Не могут не работать. Да как!» Ответ отца на эту фразу такой: «А чего же этот цвет в колхозе ни черта не дела-

ет?» (39). Когда началась Великая Отечественная война, несмотря на медотвод, Петр Иванович пытался записаться на фронт добровольцем: «Умирать за эту власть? С какой стати?» – не одобрял поступок дед. На это отец возражал: «При чем тут власть! <...> За страну, за Россию!» (46). Дед стоит в оппозиции по отношению к советской власти, считая ее эпоху «царством фантомов». Отец с его восторженностью и способностью увлекаться ближе к советской идеологии, лозунговой по своей природе.

Некоторым фрагментам текста, посвященным отцу, Чудаков придает трагикомическую окраску, в них можно отметить реминисценции из романа М. Сервантеса «Дон Кихот». Ю. Айхенвальд пишет про двойственность и неоднозначность образа Дон Кихота, его связь с такими понятиями, как «христианство», «благородство», с одной стороны, и «чужачество», «юрродство», с другой [1: 18–19]. В Петре Ивановиче есть и первое, и второе. При анализе фольклорного контекста произведения уже сказано про доброту героя, его стремление бескорыстно помогать окружающим. В то же время донкихотство героя выглядит и как смешное, не укладывающееся в реалии времени. Петр Иванович восхищается великим, хотя, как правило, очередной предмет его восхищения далек от советской действительности. Однако, в отличие от героя Сервантеса, герой Чудакова осознает жизненные реалии: свои идеалы он должен хранить для себя. Зачитанное сыну высказывание Черчилля (приведенный выше эпизод) случайно слышит известный доносчик Роман Казаков. Петр Иванович проявляет находчивость и объясняет, что слова принадлежат Молотову. Молотов замещает Черчилля, а примитивно мыслящий и невежественный Казаков ловко обманут. Так конфликт мечты и действительности получает юмористическое звучание. В то же время столкновение Дон Кихота, комического героя, с действительностью в контексте романа Сервантеса рождает отчасти трагический пафос. В описанном случае комическое граничит с трагическим: зачитывание на улице слов, произнесенных американским президентом, могло бы кончиться для героя арестом, ссылкой, негативно отразиться на его семье.

Восхищаясь великим, Петр Иванович не задумывается о сути этого великого, ее подменяет внешний блеск. Автор нанизывает в главе «Отец» предметы восхищения героя: политические деятели, радиостанции, армии стран мира. Разнородность и иногда сомнительность личностей и явлений, перед которыми преклоняется Стре-

моухов (например, Талейран был известен своей полной беспринципностью и продажностью, Черчилль стал врагом России, зачинщиком холодной войны, вещания радиостанции «Голос Америки» никак не совмещались с преклонением отца Антона перед железной волей Сталина и т. д.), доказывают противоречивость и поверхностность воззрений романтически настроенного Петра Ивановича, и в скрыто ироническом освещении повествователя они в некоторой степени приобретают комическое звучание.

В. Е. Багно в работе «Дон Кихот в России и русское донкихотство» отмечает такую особенность русского донкихотства, как «превращение... в культурное явление, охватывающее и бытовое поведение» [3: 205], и одним из его проявлений исследователь называет «начетнический энтузиазм» [3: 206]. Это определение соответствует образу Стремоухова-старшего, книгодея, который, подобно Дон Кихоту, из книг черпал представления об идеальных фигурах для поклонения.

Реминисценция из романа Сервантеса, а именно на пародийно изображенные рыцарские поединки, содержится и в сцене отстаивания отцом скошенного семьей сена. В ней в юмористическом ключе представлено «фехтование» вилами – поединок между Петром Ивановичем и мужиком-вором, отступление последнего, его «полная капитуляция»:

«...через минуту отец уже бежал впереди Антона, держа наперевес вилы, как участник крестьянского восстания Болотникова, – и успел схватить под уздцы отъезжающую лошадь. Мужик спрыгнул с воза тоже с вилами и попытался пырнуть ими отца – тот отбил. Мужик сделал еще выпад – отец отбил с лязгом. Антон, раскрыв рот, смотрел на это фехтование. Отец кинул на него короткий взгляд (Антон долго его вспоминал) и закричал мощно: “Трофимыч! Григорьич!” Услышав, что есть еще Трофимыч с Григорьичем, мужик бросил вилы, отскочил за куст и, быстро состроив удивленное лицо, забормотал:

– Да я как? Смотрю – сенцо ничье, можа, думаю, не вывезли, дак я что...» (102).

Кроме того, судьба Петра Ивановича – человека, не получившего возможности в полной мере реализовать себя, также исполнена драматизма. Упоминание горы Спящий Рыцарь заставляет читателя вспомнить про рыцаря печального образа. Принесенные отцом с этой горы ягоды при всей тяжести работы стоили столь же мало, что и трудные «подвиги» Дон Кихота, завершающиеся совсем не так, как он рассчитывал.

Несмотря на все чудачества, Петр Стремоухов – хранитель семьи и необходимого для ее су-

ществования хозяйства. Донкихотство героя – это спор с тяготами действительности через неустанные труды. И здесь очевидна еще одна особенность русского донкихотства: по наблюдениям О. Есиповой, идея «безумия» героя постепенно вытесняется в русской традиции идеей жизнестроительного бунта [6: 27]. И прекрасное, и смешное в персонаже противопоставлено реалиям XX века, нарушению нормального функционирования всех социальных институтов того времени. О. А. Казьмина так характеризует донкихотствующего героя пьесы М. А. Булгакова «Бег», «рыцаря» Серафимы приват-доцента Голубкова: в нем

«рыцарский идеал... оказывает сопротивление раздвоившемуся в смутном времени и сменившему ориентиры миру, приводящему к предательству, душевному и нравственному кризису» [9: 121].

Анализируя принципы ретроспекции в литературе, М. Басселер и Д. Бирке останавливаются в том числе на вопросе ненадежного повествования. Ненадежность повествования в данном случае обуславливается особенностями человеческой памяти: ее избирательностью, субъективностью, склонностью к ошибкам, домысливанию – и помогает создать реалистичную картину видения мира, когда автор не претендует на всеохватность, а показывает то, что хранит память одного человека [15]. Таким образом, рассмотрение места отца в представленных воспоминаниях позволит сделать вывод о его значении в жизни сына.

Образ отца не выстраивается в произведении последовательно, посвященных ему частей текста сравнительно немного. На протяжении романа находим подтверждения любви сына к отцу, существования между ними духовной связи. Примером здесь могут служить проанализированные выше фрагменты текста, в которых отец показан как глава семьи, пример для сына и т. д. Однако есть и воспоминания, которые свидетельствуют о произошедшем со временем охлаждении в отношениях между отцом и сыном. Оценивая бытовые привычки Антона – столичного студента, отец иронично говорит «там у вас» (90), чем ранит героя. Взрослый Антон не принимает многие дорогие для Петра Стремоухова советские идеологемы. Несомненно, что отец живет в воспоминаниях любящего сына, но его место в становлении его личности неоднозначно, трудно сделать окончательные выводы об отношениях отца и сына: память главного героя не сохранила подробностей.

Избрание автором такой повествовательной стратегии, как репрезентация процесса

воспоминания, позволяет показать, что отец не занимает в жизни сына исключительно важное место. Дед Леонид Саввин, в отличие от отца, зримо и незримо присутствует в каждом воспоминании внука. Именно он заложил в Антоне основы знаний о мире. В первую очередь от деда Антон усваивает понятие о семейных ценностях, и пусть его дочка, а потом внучка не такие любознательные, как он в детстве, герой пытается говорить с ними и передавать свой жизненный опыт, как некогда делал дед по отношению к Антону. «Ты был прав во всем!» (494), – восклицает герой на могиле Саввина.

Голоса деда и отца, переключаясь и противопоставляя, определяют формирование личности Антона, выбор им жизненного пути. Отец заражает сына страстной увлеченностью историей, и тот идет по его стопам, становится историком. Подобно ему, переживает период поклонения великим людям, в частности, исповедуя культ Наполеона. Стремоухов-старший привил сыну любовь к работе, всевозможные трудовые навыки, впрочем, как и дед. Однако высокие духовно-нравственные принципы Антон наследует от деда Леонида Саввина, именно он сформировал мировоззрение внука, хотя некоторые позиции деда Антон смог принять только через много лет после напряженного духовного поиска. Голос деда, отражающий многовековые традиции русской жизни, оказывается значимее для главного героя, чем голос внутренне прекрасного в своей устремленности к идеалу, но несколько оторванного от действительности отца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, для раскрытия образа отца автор использует несколько повествовательных стратегий. Обращение к идиллическому хронотопу позволяет вписать героя в мир изображенной в романе семьи. Семейные предания, пословицы способствуют созданию образа отца как положительного героя. Наиболее ярко как личность он проявляется посредством использования автором цитатного дискурса и обращения к трагикомическому началу. Восторженные реплики отца говорят о том, что он способен быстро загораться идеей, не вдумываясь в ее суть. Это отчасти связывает героя с советской идеологией и делает в какой-то мере антагонистом по отношению к деду. Из столкновения устремленности Петра Ивановича к великому с действительностью рождается комический эффект, оборачивающийся в романе идиллии и трагическим пафосом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Булкина И. История внука века // Знамя. 2012. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/8/istoriya-vnuka-veka.html> (дата обращения 14.10.2024).
- ² Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени. М.: Время, 2022. 640 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айхенвальд Ю. Дон Кихот на русской почве. Нью-Йорк: Chaldize publications, 1982. 357 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
3. Багно В. Е. Дон Кихот в России и русское донкихотство. СПб.: Наука, 2009. 228 с.
4. Гордеева Е. М. Жанровое своеобразие романа-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 6. С. 90–96.
5. Доманский Ю. В. Некоторые особенности художественного мира романа «Ложится мгла на старые ступени» Александра Чудакова // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 230–237.
6. Есипова О. Русский Дон Кихот и Булгаков // Булгаковский сборник III: Материалы по истории русской литературы XX века. Таллинн, 1998. С. 21–36.
7. Жаннет Ж. Фигуры: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
8. Зеленцова С. В., Тарухтина Д. С. Жанровая специфика романа А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Орловский текст российской словесности: Сб. тр. по материалам Всерос. науч. конф., Орел, 5–6 окт. 2017 г. Орел: ОГУ им. И. С. Тургенева, 2018. Вып. 11. С. 121–126.
9. Казьмина О. А. Культурная символика рыцарства в пьесе М. А. Булгакова «Бег» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 2 (16). С. 117–129. DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_117
10. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. 652 с.
11. Степанов А. Идиллия vs. прогресс: заметки о прозе А. Чудакова // Тыняновский сборник. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения: Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 400–411.
12. Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 8–24.
13. Шафранская Э. Ф. Роман А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» в аспекте филологической антропологии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 140–147. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.140
14. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры: Кошелев, 2003. 311 с.
15. Basseler M., Birke D. Mimesis of remembering // Journal of Literary Theory. 2022. Vol. 16 (2). P. 213–238. DOI: 10.1515/jlt-2022-2023

Поступила в редакцию 28.11.2024; принята к публикации 28.04.2025

Original article

Darya S. Orlova, Postgraduate Student, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)

ORCID 0009-0005-0628-9612; dariaolr2014@yandex.ru

Marina Yu. Elepova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-7229-5851; m.elepova@yandex.ru

**FATHER FIGURE IN ALEXANDER CHUDAKOV'S NOVELISTIC IDYLL
A GLOOM DESCENDS UPON THE ANCIENT STEPS:
NARRATIVE STRATEGIES**

Abstract. This study aims to identify the narrative strategies used to craft the image of Pyotr Stremoukhov's father in Alexander Chudakov's novelistic idyll *A Gloom Descends upon the Ancient Steps*. This character is examined as a distinct subject of research for the first time. Through narratological analysis, several key narrative strategies were identified: an appeal to the idyllic chronotope, the incorporation of folklore genres into the narrative, the use of quotation discourse to develop a provocative strategy, blending tragic and comic elements, and the employment of unreliable narration. The depiction of Pyotr Stremoukhov as the creator and protector of the family aligns with the family-oriented idyllic chronotope. Folklore elements within the novel (family lore genres or proverbs) serve to deepen the characterization of the hero. The image of the father is also linked to the archetype of Don Quixote, the eternal hero of world literature: feeling oppressed by the Soviet system, the character paradoxically idealizes it; he is a romantic figure striving passionately for the values of the past and present. The novelistic idyll incorporates reminiscences of Cervantes'

novel. Pyotr Stremoukhov's character holds a special place within the novel's system of characters, correlating with and often opposing his grandfather. The moral influence exerted by the father and the grandfather profoundly shapes the protagonist's development.

Key words: Alexander Chudakov, *A Gloom Descends upon the Ancient Steps*, novelistic idyll, father, Quixotism, reminiscence, narrative strategies, system of characters

For citation: Orlova, D. S., Elepova, M. Yu. Father figure in Alexander Chudakov's novelistic idyll *A Gloom Descends upon the Ancient Steps*: narrative strategies. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):55–60. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1199

REFERENCES

1. Aikhenvald, Yu. Don Quixote on Russian soil. New York, 1982. 357 p. (In Russ.)
2. Bakhtin, M. M. Collected works: In 7 vols. Vol. 3: Theory of novel (1930–1961). Moscow, 2012. 880 p. (In Russ.)
3. Bagno, V. E. Don Quixote in Russia and Russian Quixotism. St. Petersburg, 2009. 228 p. (In Russ.)
4. Gordeeva, E. M. Genre peculiarity of A. P. Chudakov's novel-idyll "Haze Lies on Old Steps". *Herald of Vyatka State University for the Humanities*. 2015;6:90–96. (In Russ.)
5. Domanskii, Yu. V. Some peculiarities of the artistic world of the novel "The Haze Lays Down on the Old Steps" by Alexander Chudakov. *New Philological Bulletin*. 2019;1(48):230–237. (In Russ.)
6. Esipova, O. Russian Don Quixote and Bulgakov. *The Bulgakov collection III: Materials on the history of Russian literature of the XX century*. Tallinn, 1998. P. 21–36. (In Russ.)
7. Genette, G. Figures: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1998. 472 p. (In Russ.)
8. Zelentsova, S. V., Tarukhtina, D. S. Genre specifics of Alexander Chudakov's novel *A Gloom Descends upon the Ancient Steps*. *Orel texts of Russian literature: Proceedings of the all-Russian research conference*. Orel, 2018. Issue 11. P. 121–126. (In Russ.)
9. Kazmina, O. A. The cultural symbolism of chivalry in M. A. Bulgakov's play "Flight". *World of Russian-Speaking Countries*. 2023;2(16):117–129. DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_117 (In Russ.)
10. Kristeva, J. Selected works: Debunking of poetics. Moscow, 2004. 652 p. (In Russ.)
11. Stepanov, A. Idyll vs. progress: notes about Alexander Chudakov's prose. *The Tynyanov collection*. Issue 13: XII–XIII–XIV. *Tynyanov Readings: Research. Materials*. Moscow, 2009. P. 400–411. (In Russ.)
12. Tyupa, V. I. The narrative strategy of a novel. *New Philological Bulletin*. 2011;3(18):8–24. (In Russ.)
13. Shafranskaya, E. F. Alexander Chudakov's novel *A Gloom Descends upon the Ancient Steps* from the perspective of philological anthropology. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanities and Social Sciences"*. 2017;4:140–147. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.140 (In Russ.)
14. Schmid, W. Narratology. Moscow, 2003. 311 p. (In Russ.)
15. Basseler, M., Birke, D. Mimesis of remembering. *Journal of Literary Theory*. 2022;16(2):213–238. DOI: 10.1515/jlt-2022-2023

Received: 28 November 2024; accepted: 28 April 2025